

В.М. ПАШИНСКИЙ

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПОКОЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX–XXI ВЕКОВ

Аннотация: В работе рассматривается влияние первых лиц власти на формирование поколенческой динамики российского социума. Показано, что в период с 1917 года и до настоящего времени в российской истории наблюдается чередование «состоявшихся» и «несостоявшихся» поколений, связанных с конкретными группами первых лиц власти. Таким образом, только одно из каждой пары таких поколений получало возможность «состояться» и реализовать творческий потенциал социума, что свидетельствует о крайней неэффективности российской политической системы.

Ключевые слова: первые лица власти, поколение, поколение первых лиц, творческий потенциал, политическая система, эффективность.

Введение

Смена поколений обычно рассматривается как основной процесс, обеспечивающий возобновление творческого потенциала человеческих обществ, как один из основных механизмов социально-исторического развития этих обществ [13, с. 251–294; 14; 26; 27]. Но каковы конкретные формы взаимосвязи между поколениями и социально-историческим развитием? В чем проявляется влияние процесса смены поколений (и каких конкретно их типов) на социально-историческое развитие обществ, а в чем — влияние социально-исторического развития (и каких обществ) — на процесс формирования поколений? Существуют ли универсальные законы поколенческой динамики, определяющие «квазимеханику истории» (Х. Ортега-и-Гассет, [13, с. 238]) и позволяющие действовать в соответствии со словами О. Конта — «знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь» [2, с. 64]?

Несмотря на значительные усилия исследователей, полных ответов на эти вопросы до сих пор нет. Последние полвека проблема законов

Пашинский Владимир Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ФБУ «Научно-исследовательский центр по проблемам управления ресурсосбережением и отходами».

Адрес: 141006, Мытищи, Олимпийский пр., д. 42, к. 209.

Телефон: 8 (905) 552-88-72. **Электронная почта:** v_m_p@bk.ru

поколенческой динамики не входила в мейнстрим социально-исторических исследований. Достаточно сказать, что в обзоре циклических теорий социально-исторического развития Дж. Майера [25] и обзоре П. Штомпки [22] поколенческие концепции просто отсутствуют; в многотомных изданиях, отражающих основной запас современных знаний о социально-историческом процессе [4–7], проблема воздействия поколенческой динамики на развитие человеческих сообществ также не анализируется. В недавней монографии по проблеме поколений [24] две пятых текста отданы обзору теоретических и практических аспектов исследований жизненного пути, когортному анализу, собственно поколенческой динамике, но проблема универсальных взаимосвязей поколенческой динамики с социально-историческим развитием обществ не рассматривается. И что особенно показательно, в библиографии нет той работы Х. Ортеги-и-Гассета [13, с. 233–403], в которой он далее других продвинулся в изучении проблемы «квазимеханики» истории.

По обозначенным причинам, прежде чем сформулировать основную рабочую гипотезу данного исследования, описывающую взаимосвязь поколенческих процессов и социально-исторического развития России, необходимо изложить несколько предварительных соображений для ее обоснования.

Чтобы реализовать свой человеческий потенциал, каждое поколение в период своего доминирования нуждается в некотором оптимальном количестве времени, зависящем как от внутренней динамики общества, так и от некоторых внешних (и в этом смысле случайных) воздействий. Если срок деятельности поколения будет слишком коротким, то его представителям не хватит времени, чтобы с достаточной полнотой сформировать свои представления о мире и, заняв руководящие места в системе управления, попытаться их реализовать и тем самым внести значительный и устойчивый вклад в развитие общества. Если срок деятельности, напротив, будет слишком длинным, то свойственная каждому поколению инерция будет препятствовать осуществлению перемен, назревших уже по ходу деятельности данного поколения (например тех, что связаны с изменением внешних условий существования общества), и отложенные перемены придется «вдогонку» производить следующему поколению, вместо того чтобы обратиться к современным проблемам. Иными словами, в обоих описанных случаях, связанных со сроками деятельности (доминирования) поколения, не возникает условий для оптимальной реализации его творческого потенциала.

Эффективное развитие общества предполагает достаточно регулярный ритм; только в этом случае поколенческий «механизм» социального развития функционирует на полную мощность и двигает общество вперед. В некотором смысле, если воспользоваться механической метафорой, каждое поколение — это порция горючего, которое через систему социальных институтов, словно через движение поршня и шатун, передает свою энергию на вращающиеся колеса социального процесса.

Эту аналогию между институтами и механизмом можно развить. Институты функционируют за счет энергии поколений. Но если институты

отрегулированы плохо, условно говоря, поршни разболтаны, клапаны срабатывают не вполне в такт, а свечи инициируют зажигание (то есть переход от социализации поколения к самореализации) не всегда в наилучший для поколения и «государственной машины» момент, то и энергия «горючего» используется неэффективно. Даже сама «машина» может пострадать от неправильно используемой энергии. Если учесть существование не только прямой связи между поступлением «горючего» и работой «машины», но и обратной связи, когда работа «машины» обеспечивает процессы социализации, то становится очевидной важность исследования ритмов смены доминирующих поколений¹ в контексте работы институтов в целом и государственной машины в частности.

И последнее предварительное замечание, особенно важное для данной статьи. Не всякий регулярный ритм является оптимальным; любой автомобилист знает, что есть определенная частота оборотов двигателя, при которой энергия горючего и ресурс двигателя используются наиболее эффективно. Регулярный, но слишком быстрый или слишком медленный темп смены поколений тоже не является оптимальным для реализации потенциала поколений.

Основная рабочая гипотеза может быть сформулирована следующим образом: степень расхождения между реальной (наблюдаемой) поколенческой динамикой и регулярным ритмом поколений, имеющих оптимальную длительность, демонстрирует степень эффективности работы государственной машины в целом и политической системы в частности, то есть эффективность использования человеческого ресурса.

Предварительный анализ показал, что в развитии российского социума в XX–XXI в. наблюдаются разные ритмы смены доминирующих поколений — как регулярные, так и иррегулярные. Иррегулярные отражают конъюнктурную поколенческую динамику, какой она формируется конкретными лицами российской истории, которые действуют в собственных интересах завоевания и удержания власти и используют в этих целях государственную машину. Иными словами, иррегулярные ритмы показывают особенности функционирования внешних сред социетального сообщества (культурной системы, системы личности и поведенческого организма), как их определяет Т. Парсонс [15]. А регулярные ритмы отражают объективное свойство социетального сообщества как общества, обладающего наибольшей автономией по отношению к окружающей

¹ Поясним использование терминов «доминирующие поколения» и «зависимые группы» (о последних речь пойдет ниже). Эти группы отличаются прежде всего «направлением» отношений зависимости. «Зависимые группы» населения характеризуются иерархическим отношением с другими группами (*вертикальное направление зависимости*), тогда как «доминирующие поколения» — отношением, когда *каждое* из них в свой хронологический период доминирует над одновременно существующими другими (*горизонтальное направление зависимости*); в *каждый* хронологический период доминирует только одно поколение.

среде, и характеризуют внутреннюю необходимо регулярную поколенческую динамику социетального сообщества [17]. Именно рассогласованность должной социетальной поколенческой динамики и конъюнктурной (конкретно-исторической) поколенческой динамики, определяемой текущими потребностями власти, является одной из основных причин неэффективного использованию человеческого ресурса. В соответствии с методом идеальных типов [1, с. 388–408, 622–623] регулярные социетальные поколенческие циклы могут рассматриваться как идеальные типы, с которыми в исследовательских целях сопоставляются реальные (конъюнктурные) поколенческие циклы. Поскольку социетальные идеальные типы реально существуют (см. ниже), постольку они должны рассматриваться в качестве тех квазимеханических законов истории, которые искал Х. Ортега-и-Гассет [13, с. 251–294].

Итак, цель данной статьи — идентификация тех регулярных и иррегулярных социально-исторических поколений, которые формировали историческую траекторию России в постмонархический период и которые отражают соответственно социетальную и конъюнктурную поколенческие динамики российского социума, сплавливающие воедино социальные, политические и экономические процессы. Сначала будут описаны методология и методика фиксации поколенческой динамики, затем проанализированы полученные результаты.

Ортеговское понятие поколения

Для исследований поколенческой динамики характерно исключительное разнообразие тем и направлений научного поиска. Причина этого — многогранность самого понятия «поколение». Фактически это не одно, а целый спектр понятий, заключенных между двумя полюсами. Один полюс — биологическое (репродуктивное) поколение, характеризующее существование индивида от рождения до воспроизводства им собственного потомства (условно говоря, от 0 до 30 лет). Второй полюс — это социально-историческое поколение, характеризующее существование индивида в тот период, когда люди творят человеческую историю (условно говоря, от 30 до 60 лет). Между этими полюсами простирается обширное пространство, где находят свое место самые разные в качественном и количественном отношении понятия поколения. Длительность таких «промежуточных» поколений может составлять от 7–10 до 30–40 лет [14; 16; 24; 26].

Для целей настоящей работы особое значение имеет введенное Х. Ортега-и-Гассетом универсальное понятие поколения как динамического компромисса между массой и индивидом [12, с. 5]. Поколение — это «новое целостное социальное тело», представленное «избранным меньшинством», которое определяет качественные особенности поколения, и «толпой» — теми, кто в своей деятельности ориентирован на образцы поведения, задаваемые «избранным меньшинством» [12, с. 5–7]. Универсальность данного понятия позволяет доопределять (достраивать, конкретизировать) его в зависимости от особенностей исследуемого

общества. Параметры «избранного меньшинства» и «толпы», фиксируемые на конкретном социально-историческом материале, зависят как от рассматриваемой модели управления обществом, так и от доступности того или иного «эмпирического» материала, касающегося этой модели.

В иерархически организованном обществе «избранное меньшинство» можно определять по-разному. Самая простая схема подбора вариантов «избранного меньшинства» следующая: первый вариант — первые лица власти; второй вариант — первые лица власти и десятки человек их ближайшего окружения; затем они же и сотни человек более дальнего окружения — третий вариант; затем все перечисленные и тысячи человек окружения — четвертый вариант; и так далее, пока не будут охвачены, условно говоря, все «лица, принимающие решения» (n-ый вариант «избранного меньшинства»). Каждая из этих групп стремится сформировать свое поколение на основе зависимых от нее групп населения (в том числе зависимых групп элит и «лиц, принимающих решения»). *В результате реальная «поколенческая структура» населения имеет динамический характер, определяемый балансом влияния на зависимые группы соответствующих «избранных меньшинств».*

В России «избранного меньшинства» играет немногочисленная верхушка власти — первое лицо власти и те несколько десятков человек, которые составляют его ближайшее окружение. Однако первые лица «сами по себе» и первые лица с ближайшим окружением — это два различающихся «избранных меньшинства». С одной стороны, каждый член властной верхушки существует в этом качестве постольку, поскольку его деятельность ориентирована на установление и осуществление интересов первого лица; по отношению к другим группам населения ближайшее окружение представляет не что иное, как коллективную ипостась первого лица. Во времена СССР ближайшее окружение первого лица было представлено членами (и кандидатами в члены) Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, членами Секретариата и Оргбюро ЦК КПСС; в постсоветской России — членами Совета Безопасности Российской Федерации. Именно первое лицо власти посредством своего окружения задает основные условия социализации подвластных групп населения.

С другой стороны, ближайшее окружение первых лиц имеет собственные интересы, не тождественные интересам своих руководителей (достаточно вспомнить смещение Н.С. Хрущева). Поэтому они будут формировать пересекающиеся, но не тождественные поколения². В данной работе именно первые лица, учитывая их самостоятельное значение, и будут основным объектом исследования.

В условиях «вертикали власти», означающих достаточно жесткую зависимость каждой из групп населения от вышестоящей группы и всех групп — от первого лица, именно поколенческие изменения состава первых лиц могут влиять на динамику поколений зависимых групп населения.

² Свою роль играет и тот факт, что первые лица и состав ближайшего окружения первых лиц сменяются не синхронно.

Первая частная гипотеза заключается в том, что в соответствии с логикой «вертикали власти» первые лица напрямую влияют на текущие процессы формирования поколений зависимых групп населения. К первым лицам постмонархического периода отнесены все премьер-министры Временного правительства, все первые и генеральные секретари ЦК ВКП(б)-КПСС, все президенты СССР и России.

Процесс формирования поколений зависимых групп населения не ограничивается однонаправленным влиянием «сверху вниз». Деятельность первого лица объективно зависит от тех условий, которые складываются в обществе в процессах стихийной смены доминирующих поколений, состоящих из «избранного меньшинства» и зависимых от него групп. Чтобы сохранять свой статус, первое лицо должно чутко реагировать на эти процессы. Итак, *вторая частная гипотеза*: все первые лица власти разделяются на несколько групп таким образом, что между этими группами и поколениями зависимых групп населения устанавливается взаимно-однозначное соответствие. Иначе говоря, первые лица власти конъюнктурно реагируют на ритм доминирующих поколений зависимых групп населения таким образом, что чередование групп первых лиц может служить индикатором ритма этих поколений.

Последние две фразы фактически есть описание идеального типа *поколения первых лиц* в унитарной системе власти. Аналогичным образом могут быть описаны следующие идеальные типы: *поколения властной верхушки*, включающей первых лиц и десятки лиц ближайшего окружения; *поколения расширенной властной верхушки*, включающей названных лиц и сотни лиц более дальнего окружения; *поколения самой обширной властной верхушки*, насчитывающей тысячи человек, и т. д. и т. п. вплоть до охвата «избранным меньшинством» всех «лиц, принимающих решения» (см. выше схему подбора вариантов «избранного меньшинства»).

Стоит подчеркнуть, что при прочих равных условиях в случае существенной (как бы это слово ни понималось) разницы в длительности поколений, сформированных «избранным меньшинством» одного типа, это будут разные идеальные типы.

Варианты фиксации поколенческой динамики

Проблема выбора модели поколения и соответственно методики эмпирической идентификации поколенческой динамики является основной в поколенческих исследованиях [11]. Результаты анализа, вообще говоря, могут меняться в зависимости от того, какое понятие поколения используется.

При анализе поколенческой динамики высших правящих групп (а тем более групп первых лиц) проблема выбора упрощается малочисленностью выборки. В исследовательской практике возможны самые разные критерии отбора членов правящей группы [3]; в частности, размеры «избранного меньшинства» могут быть очень разными — от десятков, сотен и тысяч человек элиты / правящего класса [9; 10] до сотен тысяч «лиц, принимающих решения» [8, с. 47]. Но когда изучается деятельность

двух-трех десятков членов высших органов власти и когда, таким образом, в состав выборки должны включаться все члены соответствующей группы, уже само изменение персонального состава данной «генеральной совокупности» может менять свойства исследуемого объекта. Последнее исключительно удобно для фиксации поколенческой динамики. Сказанное тем более верно в случае изучения первых лиц³.

В настоящей работе в качестве условия (и симптома) поколенческих процессов рассматривается сам факт какого-либо группирования высших должностных лиц правящей элиты (см. далее табл.).

Для исследования социально-исторической динамики на основе изучения высших правящих групп могут использоваться и другие понятия поколения, помимо предложенного. Ниже приводятся еще три варианта попытки идентифицировать динамику поколений — резкое изменение среднего возраста членов элит (два случая) и перемена внешнеполитического курса, обусловленная сменой первого лица власти.

Факт резкого изменения среднего возраста группы использовался Л. Седовым для идентификации процесса смены поколений правящих элит. Автор выделяет в истории СССР две «поколенческих эпохи» — 1917–1953 и 1953–1985 гг. — и на основании данных о среднем возрасте элит фиксирует периоды их частичной смены в середине этих «эпох» — в 1934/1937 и в конце 1960-х гг. По его оценкам, после 1934 г. средний возраст «властных групп» снизился с 49 до 32 лет, то есть на 17 лет, а после 1968 г. — с 58 до 54 лет [18]. Разница в 17 лет сопоставима с длительностью поколений (типичная *минимальная* длительность поколений может быть оценена в 10 лет [14]) и потому позволяет уверенно говорить о процессах смены поколений около 1934/1937 гг. Что же касается рубежа конца 1960-х гг., то для уверенной фиксации процесса смены поколений данных о возрасте явно недостаточно в силу небольшой величины изменения (четыре года) и требуется информация о качественных характеристиках поколения. К сожалению, Л. Седов не дает описания исходной выборки, что не позволяет получить необходимую дополнительную информацию и сделать окончательный вывод. Тем не менее, обращая внимание на связь между поколенческими процессами и социально-историческим развитием страны, Л. Седов указывает на пять разных периодов (1917–1934/1937, 1934/1937–1953, 1953 – конец 1960-х, конец 1960-х – 1985, 1985–2002 гг.), которые могут рассматриваться в качестве особых периодов развития советского и российского общества [18; 19].

³ В качестве примера такого подхода можно указать на работу, в которой В. Молотов рассматривается в качестве представителя одного поколения, Н. Хрущев и А. Жданов — второго, Л. Берия и Г. Маленков — третьего поколения, «предшественника» для Л. Брежнева, Ю. Андропова и К. Черненко, по видимому, относимых к четвертому поколению (автор не говорит об этом прямо) [28, с. 8]. Не все из перечисленных персон стали первыми лицами власти, но в данном случае речь идет о характеристике подхода, а не о результатах его применения.

Другой пример идентификации процесса смены поколений правящих элит по их возрастной динамике демонстрирует исследование О. Крыштановской. Размеры групп элиты (автор предпочитает использовать именно этот термин независимо от численности изучаемых высших чиновников) составляют от нескольких десятков до нескольких тысяч человек [9, с. 13–15, табл. 1]. В анализе возрастной динамики разных когорт российской элиты размеры выборок составляют от 21 до 95 человек. По данным О. Крыштановской, средний возраст трех когорт российской элиты в 1986, 1989 и 1992 гг. составил соответственно 65, 56 и 47 лет [9, с. 207–208, табл. 8]. Столь сильная возрастная динамика свидетельствует о смене поколений на рубеже 1980-х–1990-х гг. и указывает на связь между поколенческими и социально-историческими процессами.

Еще один вариант идентификации поколений основывается на вычлениении групп населения, вынужденных подстраиваться под перемены внутри- и внешнеполитического курса, связанные с утверждением нового первого лица. Этот вариант пытался использовать А. Янов для исследования связи между циклами смены поколений во власти и циклами смены политического курса. Характеризуя основные элементы своего методологического подхода, автор формулирует «понятие “русские политические режимы”, каждый из которых является отрицанием предыдущего, его, можно сказать, антитезой. Это свойство русского политического процесса, — пишет Янов — позволяет нам проникнуть в самую основу его движущего механизма: к взаимному антагонизму его политических режимов. “Десталинизация” системы после Сталина, “дехрущевизация” после Хрущева и “дебрежневизация” после Брежнева иллюстрируют антагонистический характер русского политического процесса в советской подсистеме. Они, однако, нисколько не отличались в принципе от, скажем, режима “деиванизации” после Ивана Грозного в Московской подсистеме, как и от аналогичных “депетровизации” или “деекатеринизации” в Петербургской подсистеме. Каждый из русских режимов имеет свою функцию, не только противоположную функции предшествующего режима, но и более или менее независимую от сознательных намерений его лидеров» [27, с. 29–30, прим. 15]. А. Янов пришел к следующему выводу: «...факты свидетельствуют, что ритм политических изменений в России никогда *не совпадал* со сменой поколений, так же как с изменениями возраста и образования политической элиты — даже в советское время. И уж совсем ненадежным путеводителем по лабиринтам русской политической системы оказывается теория смены поколений, едва мы отказываемся от постулата о России как о “черном ящике” и выходим за пределы советского эпизода русской истории» [27, с.106]. Свой вывод, что «смена поколений *не* определяет характер режимного изменения», Янов представляет в качестве «фундаментального стереотипа политического изменения в России» и распространяет на весь период политической истории России «за последние восемнадцать-двадцать поколений» [27, с. 107].

Нетрудно увидеть, что А. Янов, во-первых, характеризует не только и даже не столько особенности «поведения России на международной арене», сколько особенности «внутриполитического» курса, замкнутого на внутренний антагонизм российского политического процесса. Во-вторых, в своем заключительном выводе об отсутствии поколенческой доминанты в переменах политического режима он расходится как с Л. Седовым, так и с О. Крыштановской. Результаты настоящего исследования тоже не согласуются с выводами А. Янова, поскольку — при всем несходстве внутренней политики наследующих друг другу первых лиц власти — отдельные группы этих лиц четко разделяются по поколениям.

Поколенческая динамика первых лиц российского государства в постмонархический период

Напомним, что в соответствии со второй частной рабочей гипотезой настоящего исследования каждое первое лицо должно принадлежать к одному из поколений зависимых групп населения — в составе группы первых лиц, в которую оно входит.

В соответствии с датой своего рождения и временем правления все первые лица советского и постсоветского времени четко разделяются на три группы (см. табл.), которые можно рассматривать как три поколения. Представители первого появились на свет в 1861–1881 гг. (среднее арифметическое — 1873 г.) и правили страной в 1917–1953 гг. Представители второго родились в 1894–1914 гг. (среднее арифметическое — 1905 г.) и правили в 1953–1985 гг. Третье поколение лидеров родилось в 1931–1952 гг. (среднее арифметическое — 1938 г.) и с 1985 г. будет править как минимум до 2018 г., но вероятнее всего — до 2024 г. В состав третьего поколения не включен Д. Медведев, формально являвшийся первым лицом в 2008–2012 гг., поскольку он получил свой пост в результате личной договоренности с В. Путиным и при определенных условиях должен был оставить его [20]. В условиях реальной политической конъюнктуры исполнение такого рода договоренностей на практике возможно было только в том случае, если бы именно В. Путин (а не Д. Медведев) контролировал высшие органы власти (то есть *de facto* был первым лицом) Российской Федерации в 2008–2012 гг.

Средняя длительность трех полных поколенческих циклов составляет 34 года для периода 1917–2018 гг. и 36 лет — для периода 1917–2024 гг.

Три первых периода рождения политических лидеров имеют длительность в 20–21 год, а интервал между четырьмя поколениями составляет соответственно 13 (1881–1894 гг.), 17 (1914–1931 гг.) и 13 (1952–1965 гг.) лет. По своей величине интервалы между группами достаточно велики, чтобы четко отделить группы первых лиц друг от друга и чтобы *между* этими группами — с небольшим перекрытием — поместились другие группы первых лиц *примерно такой же 20–21-летней длительности*. Назовем поколения родившихся в 1861–1881, 1894–1914 и 1931–1952 гг. *состоявшимися*, потому что именно их члены руководили и руководят страной. И по контрасту с состоявшимися поколениями назовем

промежуточные группы, в которых первые лица не появились — несостоявшимися поколениями первых лиц.

Таблица

Первые лица российской власти с 1917 г. по настоящее время*

Поколения первых лиц постмонархи- ческого пе- риода (годы рождения)	Годы правления	Имя первого лица	Годы жизни	Средний возраст прихода к власти
Первое по- коление (1861–1881)	1917–1917	Львов Георгий Евгеньевич	1861–1925	46 лет
	1917–1917	Керенский Александр Федорович	1881–1970	
	1917–1923	Ленин Владимир Ильич	1870–1924	
	1923–1953	Сталин Иосиф Виссарионович	1879–1953	
Второе поколение (1894–1914)	1953–1953	Маленков Георгий Максимильянович	1902–1988	62 года
	1953–1964	Хрущев Никита Сергеевич	1894–1971	
	1964–1982	Брежнев Леонид Ильич	1906–1982	
	1982–1984	Андропов Юрий Владимирович	1914–1984	
	1984–1985	Черненко Константин Устинович	1911–1985	
Третье поколение (1931–1952)	1985–1991	Горбачев Михаил Сергеевич	1931–...	51 год
	1991–2000	Ельцин Борис Николаевич	1931–2007	
	2000–2024	Путин Владимир Владимирович (в 2008–2012 формаль- но — Медведев Дмитрий Анатольевич, 1965 г.р.)	1952–...	
Четвертое** поколение (1965 – сер. 1980-х)	2024 – 2042/2048	Условное «поколение Д.А. Медведева – В.А. Суркова»	1964/1965 – 2040-е	60 и более лет
Пятое*** поколение (нач. 1980-х – нач. 2000-х)	2042/2048 – 2054/2060	Условное поколение «сформированных 1990– 2000-ми»	начало 1980-х – 2060-е	60 и более лет

* При построении таблицы мы исходили из представления, что история постмонархической России началась с Февральской революции, когда получила развитие система Советов как легитимных органов власти, в том или

ином виде существующая до настоящего времени. Поэтому к числу первых лиц постмонархического периода российской истории были отнесены не только большевистские лидеры, но и оба первых лица Временного правительства (Г. Львов и А. Керенский). Повторные «избрания» И. Сталина, Н. Хрущева, Л. Брежнева, М. Горбачева, Б. Ельцина и В. Путина (в соответствии с формальной процедурой «выборов») при вычислении среднего возраста прихода к власти не учитывались. При подсчетах учитывался только год (но не дата) рождения. Г. Маленков включен в состав первых лиц, несмотря на некоторую неопределенность его статуса в качестве первого лица.

** *Все датировки поколений имеют ориентировочный характер.* Четвертое состоявшееся поколение датировано на основе данных о дате рождения Д. Медведева и 20-летней средней длительности состоявшихся поколений первых лиц. Уточнение датировки до 1966–1987 гг. см. в тексте.

*** Хронологическое положение пятого поколения первых лиц нарушает закономерность чередования 32–39-летних правлений. Кроме того, данное поколение имеет длительность 6–18 лет, которая тоже не вписывается в закономерность. Однако такое нарушение вполне вероятно: как показывает опыт современного Китая, в целях стратегической (в отличие от тактической) стабилизации своего положения властная верхушка сама ищет механизмы ротации высших кадров. Если опыт Китая не будет воспринят, в результате деятельности последнего представителя четвертого поколения пятое поколение окажется несостоявшимся. Оценить относительную вероятность двух вариантов (восприятие китайского опыта или отказ от него) пока не представляется возможным.

Как следует из таблицы, Д. Медведев по дате своего рождения занимает уникальное положение⁴, примерно соответствующее начальной точке *следующего, четвертого* поколения первых лиц, судьба которого

⁴ С точки зрения поколенческой динамики положение Д. Медведева является двойственным: с одной стороны, в 2008–2012 гг. с него могло начаться время доминирования нового поколения первых лиц, с другой стороны, он мог подчиниться воле представителей третьего состоявшегося поколения (что в конечном счете и произошло). При первом варианте могла измениться судьба поколения, *промежуточного* между третьим и четвертым состоявшимися поколениями, которое таким образом из разряда потенциально несостоявшихся переходило бы в разряд состоявшихся. Это был бы самый большой «приз», который российский социум мог получить в результате перемен, начатых после ухода наследников И. Сталина, представляющих второе состоявшееся поколение первых лиц. *Была бы отменена уродующая российский социум логика подавления промежуточных поколений первых лиц и с ними — подавления соответствующих промежуточных поколений российского социума.* В чисто политическом плане этот *слом закономерности* потребовал бы серьезных изменений в самой структуре власти, прежде всего отказа от таких ее особенностей, которые позволяют одному из представителей состоявшегося поколения первых лиц не допустить самореализации следующего за ним поколения первых лиц и соответствующего поколения российского социума. В результате появилась бы возможность *значительно* увеличить реализуемый человеческий потенциал России.

пока не определена, но которое в соответствии с общей закономерностью следует отнести к ряду *состоявшихся* и датировать их рождение примерно 1965–1985 гг.

Итак, поскольку потенциальные лидеры рождаются одинаково часто во все времена и только объективные социально-исторические условия определяют, какой из групп таковых удастся реализовать свой потенциал, а какой — нет⁵, следует предположить, что отсутствуют три промежуточные группы первых лиц со средними датами рождения около 1889 г., около 1921.5 г. и около 1958.5 г.⁶

Длительность этих промежуточных групп оценим по аналогии с длительностью трех наблюдаемых групп («состоявшихся» поколений) примерно в 20 лет. Предположение о существовании *промежуточных* (или, иначе, *несостоявшихся*) поколений первых лиц — это *третья частная гипотеза*. Считая 1889, 1921.5 и 1958.5 гг. в качестве формальной середины 20–21-летнего периода, определим хронологические границы рождения промежуточных групп: 1879–1899, 1911–1932 и 1948–1969 гг. Полученные промежутки частично перекрываются с периодами рождения состоявшихся поколений первых лиц (1861–1881, 1894–1914, 1931–1952 и 1965–1985 г. р.), но такое вполне ожидаемо при случайном распределении первых лиц по датам рождения. Подчеркнем, что *все датировки имеют ориентировочный характер*.

Нижеследующие подсчеты довольно непривычны для социологических статей (в исторических статьях простые, но длинные и нудные арифметические расчеты разного типа встречаются чаще, чем в социологических). Но эти подсчеты приводятся лишь для того, чтобы читатель имел возможность проверить итоговые оценки. Поэтому следующие два абзаца при желании можно пропустить и сразу перейти к итоговому перечню поколений.

Средняя длительность как *состоявшихся*, так и *несостоявшихся* поколений первых лиц составляет в среднем 17 лет (1958.5–1873):5≈17), — примерно 16 лет в 1873–1905 гг. и 18 лет в 1905–1958 гг. Предполагая существование других групп первых лиц и экстраполируя в прошлое и будущее, получаем данные о самой ранней несостоявшейся группе первых лиц со средней датой рождения около 1857 г. (1873–16=1857) и более

⁵ Мы не касаемся сейчас судьбы *отдельных* персон, для которых, естественно, очень существенны и субъективные обстоятельства, и случайности исторической динамики.

⁶ Подсчет сделан следующим образом: для первой и второй *промежуточных* групп положение середины определялось как среднее арифметическое между серединами предыдущего и последующего *состоявшихся* поколений: (1873+1905):2=1889; (1905+1938):2=1921.5. Что касается третьей *промежуточной* группы, то для расчета была использована середина интервала между концом третьего и началом четвертого *состоявшихся* поколений: (1952+1965):2=1958.5 (поскольку известна только датировка начала четвертого *состоявшегося* поколения).

поздней группе первых лиц со средней датой рождения в 1977 гг. ($1958.5+18=1976.5$). Таким образом, можно сделать вывод, что было еще пять групп потенциальных первых лиц, родившихся примерно в 1847–1867, 1879–1899, 1911–1932, 1948–1969 и 1966–1987 гг. Причем про вторую – четвертую группы из этой пятерки точно известно, что это *несостоявшиеся* поколения первых лиц; что же касается поколения 1966–1987 г. р., то это четвертое *состоявшееся* поколение.

Если предположить, что после четвертого *состоявшегося* поколения первых лиц последует 13–17-летний интервал, в течение которого такие лица рождаться не будут, то пятое поколение *состоявшихся* первых лиц сложится из тех, кто появится на свет примерно в 2001/2005–2021/2025 гг. (предположение построено из расчета 20-летней длительности состоявшихся поколений).

Для удобства описания введем единую нумерацию поколений первых лиц, начиная с поколения 1847–1867 г. р., которое обозначим в качестве нулевого⁷:

- 1847–1867 г. р. (нулевое);
- 1861–1881 г. р. (первое, состоявшееся);
- 1879–1899 г. р. (второе, несостоявшееся);
- 1894–1914 г. р. (третье, состоявшееся);
- 1911–1932 г. р. (четвертое, несостоявшееся);
- 1931–1952 г. р. (пятое, состоявшееся);
- 1948–1969 г. р. (шестое, несостоявшееся);
- 1966–1987 г. р. (седьмое, состоявшееся);
- 1985–2005 г. р. (восьмое, вероятно, несостоявшееся);
- 2001/2005–2021/2025 г. р. (девятое, которое, вероятно, состоится).

Каждое из этих поколений имело свой человеческий потенциал, но лишь половине из них удалось (или удастся в будущем) его реализовать. Регулярность чередования этих циклов указывает на их социетальный характер и позволяет рассматривать их датировки в качестве идеально-типических. Сопоставление идеально-типической последовательности поколенческих циклов с фактически наблюдаемыми (состоявшимися) поколенческими циклами дает важную информацию для понимания особенностей российского социально-исторического развития.

Интересно сравнить российскую поколенческую динамику с североамериканской. Различия в поколенческой динамике двух стран, очевидно, обусловлены отличиями механизмов формирования поколений, то есть работы «политических машин» в целом и процессов социализации молодежи в частности.

⁷ Поколение названо нулевым, потому что оно должно было реализоваться в монархический период истории России, который радикально отличается от постмонархического по характеру утверждения первых лиц власти и который в данной работе не рассматривается. Собственно чередование состоявшихся и несостоявшихся поколений первых лиц власти наблюдается только в постмонархическую эпоху; по этим поколениям и ведется счет.

16-летние и 32-летние циклы в истории США

Единственный известный случай устойчивой поколенческой цикличности в США, обусловленной внутренней динамикой (или лучше сказать — внутренней диалектикой) социально-исторического развития общества, наблюдаемой с первых лет его самостоятельного существования, — это 16-летние циклы [21, с. 41–77].

В отличие от Х. Ортеги-и-Гассета, сначала сформулировавшего выводы о динамике 15-летних поколений, а затем попытавшегося найти эмпирические подтверждения ожидаемой цикличности [13, с. 251–294], А. Шлезингер-мл. использовал представления целого ряда исследователей проблемы поколений⁸ для объяснения реально наблюдаемых особенностей внутривосполнительской динамики США. Для этого он обратился к анализу процесса социально-политической социализации молодежи и изучению деятельности властных элит, которые, по его мнению, и определяют его условия [21, с. 50 и сл.]. Рассматриваемая А. Шлезингером-мл. модель является скорее феноменологической, чем собственно социологической, поскольку он не дает достаточно формализованного анализа возрастной динамики разных поколений. Однако до настоящего времени это единственный случай более или менее полного описания поколенческой цикличности, когда теоретические построения относительно корректно связаны с эмпирическими данными. Пусть автор и не согласился с идеей закономерного (регулярного) характера описанной им динамики [21, с. 52, 74], анализ его собственных данных приводит к другому выводу (см. далее).

А. Шлезингер-мл. анализирует динамику внутривосполнительских циклов, которые хорошо прослеживаются в истории США, начиная с 1776 г. (12-летние в 1776–1800 и в среднем 16-летние после 1800 г.), и пытается объяснить эту динамику с помощью схемы возрастов жизни, предложенной Х. Ортегой-и-Гассетом [21, с. 51–52]⁹. Дополнив собственными наблюдениями анализ, проделанный ранее Г. Адамсом и А. Шлезингером-ст., автор получает картину, достаточно убедительно иллюстрирующую

⁸ В том числе К. Мангейма, Х. Ортеги-и-Гассета (чьи взгляды автор частично смешивает, но анализ этой особенности его текста не входит в цели настоящей работы), О. Конта, Г. Адамса и своего отца, А. Шлезингера-ст.

⁹ Правда, в своем анализе автор считает возможным апеллировать к данным средней продолжительности жизни, что выглядит нелепостью в рамках *универсальной* по своей сути ортеговской схемы возрастов жизни [21]. Конечно, средняя продолжительность жизни в США в период с конца XVIII в. до второй половины XX в. существенно изменилась — примерно с 40 с небольшим до 70 с лишним лет, — но это не имеет никакого отношения к описываемым циклам, потому что в соответствии с концепцией Х. Ортеги-и-Гассета поколение создается «избранным меньшинством», в данном случае элитами, средняя продолжительность жизни которых в указанный период в США составляла не менее 60 лет (по крайней мере, такова средняя продолжительность жизни американских президентов и вице-президентов).

представления Х. Ортеги-и-Гассета о чередовании примерно 15-летних периодов перемен и периодов относительной стабилизации («эпох юности» и «эпох старчества» [12, с. 6–7]).

Для периода 1776–1976 г. А. Шлезингер-мл. описывает 13 циклов средней длительностью в 15.4 года, причем отмечает, что два последних были *предсказаны* его отцом [21, с. 42–43, 55, 57, 72]. Собственный прогноз А. Шлезингера-мл. [12, с. 76–77] позволяет добавить к этой последовательности еще два цикла с примерными датировками 1976–1992 и 1992–2008 гг.; таким образом, можно говорить о 15 циклах. Все циклы имеют длительность от 12 до 20 лет¹⁰ и в период 1776–1992 г. образуют отчетливые пары, состоящие из периода перемен и периода относительной стабилизации, которые отражают динамику чередования поколений [21, с. 53–57]. В нашей работе анализ ограничен преимущественно периодом 1800–1992 гг.¹¹; средняя длительность циклов в этот период составила 16 лет¹².

Для нас особенно важен факт большей стабильности длительности *пар* поколений. Если обратиться к *отдельным* поколениям, то два имеющихся крайних случая (8 лет и 32 года) демонстрируют двукратное различие между средней длительностью поколений (16 лет) и длительностью крайних случаев. Что же касается пар поколений, то самый крайний случай (40 лет) отличается от средней длительности пар лишь на одну четверть, тогда как длительность всех остальных пар попадает в диапазон от 28 до 32 лет.

Такое резкое уменьшение разброса при соединении 16-летних циклов в 32-летние, на наш взгляд, свидетельствует об органичном, внутренне необходимом *дополнительном* характере 16-летних циклов перемен и стабилизации, в результате чего относительно короткий (или относительно длинный) цикл перемен дополняется относительно длинным (или, соответственно, коротким) циклом стабилизации, и общая длительность пары циклов выравнивается. Тем самым случайное воздействие конкретно-исторических событий на ритм поколенческой динамики взаимно «гасится» на более длинных временных интервалах, и длительность циклов стабилизируется. Фактически речь идет о том, что

¹⁰ За исключением двух случаев, связанных с Гражданской войной (1861–1869 и 1869–1901 гг.), длительностью 8 лет и 32 года соответственно.

¹¹ Дата 1800 г. выбрана на том основании, что именно после 1800 г. в США функционирует та партийная система, которая с некоторыми изменениями дожила до настоящего времени, а дата 1992 г. отмечает момент окончания последней полной пары 16-летних циклов.

¹² В целях удобства описания все циклы будем именовать 16-летними, исходя из их *средней* длительности, вне зависимости от конкретной длительности отдельного цикла из данного ряда. Например, 16-летними будут именоваться циклы, имеющие длительность от 8 до 32 лет. Соответственно 32-летними будут именоваться пары названных циклов, в реальности имеющие длительность от 28 до 40 лет.

конкретно-исторические проявления 32-летних социетальных ритмов меньше искажаются во внешних средах социетального сообщества, чем конкретно-исторические проявления 16-летних.

Этот беглый взгляд на североамериканскую внутривластную динамику позволяет утверждать, что российская последовательность состоявшихся и несостоявшихся поколений первых лиц есть не что иное, как аналог 16-летних американских циклов, которые в истории США стали состоявшимися без всяких исключений.

Иными словами, российская «политическая машина», если вернуться к метафоре с двигателем и поколениями как порциями горючего, — это двигатель, который использует горючее «по назначению» через раз, а через раз его отторгает. Каждое второе поколение из тех, что могли бы вложить свои силы и энергию в развитие России, оказывается ненужным. В результате российское государство работает в нелепейшем режиме: сначала — мощный толчок одного поколенческого цикла, потом инерционное прокручивание всего механизма с выбрасыванием в выхлопную трубу второй порции «горючего», за чем следует скрипуче-медленное доворачивание до второго полного оборота. А затем — опять взрыв под поршнями.

Выводы

Итак, внутривластная поколенческая динамика России в период с 1917 г. по настоящее время демонстрирует чередование состоявшихся и несостоявшихся поколений. *Состоялись три поколения первых лиц:*

– поколение 1861–1881 гг. рождения дало первых руководителей постмонархической России — людей, которые участвовали в сокрушении Российской империи и начали создание на ее месте новой, технократически модернизированной советской империи (СССР);

– рожденные в 1894–1914 гг. оказались «поколением советской империи», использовавшим потенциал технократической модернизации страны для самоутверждения, но ввергшим эту империю в состояние стагнации, которое закончилось ее крахом;

– поколение первых лиц 1931–1952 г. р. попыталось модернизировать империю, но перемены стали губительными для закосневшей системы, и она рухнула, дав начало новому варианту той же страны; в настоящее время третье поколение первых лиц приближается к хронологическим пределам своего доминирования.

Поколения потенциальных первых лиц, родившихся в 1879–1899, 1911–1932 и 1948–1969 гг., *не состоялись*.

Причина странного ритма, на наш взгляд, заключена в системе власти, которая устроена таким образом, что одно из первых лиц (или последнее лицо поколения, как И. Сталин в 1927–1953 и В. Путин в 2000–2024 гг., или одно из последних, как Л. Брежнев в 1964–1982 гг.) правило *дольше остальных представителей своего поколения вместе взятых*. Вкупе со своим окружением это лицо не допустило самореализации следующего поколения первых лиц. Очевидно, что именно губительное

отношение к человеческому потенциалу российского социума стало причиной краха СССР и станет причиной самых серьезных проблем России в будущем. Подтверждена основная рабочая гипотеза: вместо регулярно примерно 16–18-летнего *оптимального* ритма поколений имеет место вдвое более медленный, *неоптимальный* 32–39-летний ритм (1917–1953–1985–2024 гг.). Замедление ритма смены поколений во власти вдвое является следствием особенностей функционирования российской государственной машины в целом и российской политической системы в частности, не допускающих самореализации каждого второго потенциального поколения российского социума и тем самым препятствующих полной реализации человеческого потенциала России.

Выявленные закономерности поколенческой динамики позволяют установить хронологию других состоявшихся и несостоявшихся поколений российского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990.
2. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учебное пособие для вузов. 5-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2001.
3. Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 50–70.
4. История Европы с древнейших времен до наших дней. В восьми томах / Ред. коллегия: З.В. Удальцова (председ.) и др. М.: Наука, 1988–...
5. История Востока: в 6 т. / Ред. коллегия: Р.Б. Рыбаков (председ.) и др. М.: Издат. фирма «Восточная литература», 1995–...
6. История Латинской Америки: в 4-х т. / Ред. коллегия: Е.А. Ларин (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1991–2004.
7. История США: в 4-х т. / Ред. коллегия: Г.Н. Севостьянов и др. М.: Наука, 1983–1987.
8. Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества // Политические исследования. 1993. № 4. С. 41–64.
9. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
10. ЛеДонн Дж. П. Правящий класс России: характерная модель. Пер. с англ // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 175–194.
11. Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции / Пер. с нем. Е.Я. Додина; Отв. ред. Л.В. Скворцов. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.
12. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Пер. с исп. М.: Наука, 1991. С. 3–50.
13. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. 2-е изд. М.: Изд-во «Весь Мир», 2000.
14. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
15. Парсонс Т. Понятие общества: Пер. с англ. Н.Л. Поляковой // THESIS. 1993. Т. I. Вып. 2. С. 94–121.
16. Пашинский В.М. Цикличность в истории России (взгляд с позиций социальной экологии) // Политические исследования. 1994. № 4. С. 111–124.
17. Пашинский В.М. Модель регулярной поколенческой динамики // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 2. С. 41–47.

18. *Седов Л.* Проблема смены политических элит: поколение «next» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 3. С. 22–25.
19. *Седов Л.* Поколенческий прогноз // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 78–85.
20. Сообщение РИА Новости 17.10.2011 [электронный ресурс]. Дата обращения: 13.01.2014. URL: <<http://ria.ru/politics/20111017/462644720.html>>.
21. *Шлезингер-мл. А.* Циклы американской истории / Пер. с англ. П.А. Развина и Е.И. Бухаровой; Зал. статья В.И. Терехова. М.: Прогресс, 1992.
22. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996.
23. *Янов А.Л.* «Русская идея» и 2000-й год. New York: Liberty Publishing House, 1988.
24. *Burnett J.* Generations: The time machine in theory and practice. Farnham, Surrey, England; Burlington, VT: Ashgate, 2010.
25. *Maieş J.* Cyclical theories // Sociology and history: Theory and research / Ed. by W.J. Cahnman and A. Boskoff. New York: Free press; London: Collier-Macmillan, 1964. P. 42–61.
26. *Marias J., Rintala M.* Generations // International encyclopedia of the social sciences / Ed. by Sills D.L. Vol. 6. New York: Macmillan: Free press. 1968. P. 88–96.
27. *Nadel G.H.* Periodization // International encyclopedia of the social sciences / Ed. by Sills D.L. Vol. 11. New York: Macmillan: Free press, 1968. P. 581–585.
28. *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's cold war: From Stalin to Khrushchev. Cambridge (MA), London, England: Harvard University press, 1996.

V.M. PASHINSKY

(**Pashinsky Vladimir Mikhaylovich** — candidate of sociological sciences, senior researcher of Federal Research Center for Problem of Resource and Waste Management. **Address:** Olimpiyskiy Prosp., 42, of. 209, Mytishchy, Moskovskaya obl., Russia, 141006. **Phone:** +7 (905) 552-88-72. **E-mail:** v_m_p@bk.ru)

FRUSTRATED GENERATIONS IN RUSSIAN HISTORY, XX–XXI c.

Summary: The thesis touches upon the issue of first persons of the state authorities influence to the processes of Russian socium generation dynamics forming. It is demonstrated that in post-monarchy period in Russia there was an alternation of fulfilled generations relating to the groups of supreme dignitaries with demographic emptiness noting the place of frustrated generations. Thereby in the period after 1917 the chance to create his own mass generation and realize corresponding creativity of Russian socium belonged only to one of each pair of potential groups of supreme dignities. This characteristic of Russian generation dynamics is indicative of extreme inefficiency of Russian political system.

Key words: generation, creative potential, supreme leaders, supreme leaders generation, political system, efficiency.

REFERENCES

1. *Veber M.* Izbrannye proizvedeniya: Per. s nem. / Sost., obshh. red. i poslesl. Ju.N. Davydova; Predisl. P.P. Gajdenko. M.: Progress, 1990.
2. *Gofman A.B.* Sem' lekcij po istorii sociologii: Uchebnoe posobie dlja vuzov. 5-e izd. M.: Knizhnyj dom «Universitet», 2001.
3. *Duka A.V.* Teoreticheskie problemy v issledovanijah vlastnyh jelit // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2008. T. XI. № 1. S. 50–70.

4. Istorija Evropy s drevnejshih vremen do nashih dnej. V vos'mi tomah / Red. kolegija: Z.V. Udal'cova (predsed.) i dr. M.: Nauka, 1988–...
5. Istorija Vostoka: v 6 t. / Red. kolegija: R.B. Rybakov (predsed.) i dr. M.: Izdat. firma «Vostochnaja literatura», 1995–...
6. Istorija Latinskoj Ameriki: v 4-h t. / Red. kolegija: E.A. Larin (otv. red.) i dr. M.: Nauka, 1991–2004.
7. Istorija SShA: V 4-h t. / Red. kolegija: G.N. Sevost'janov i dr. M.: Nauka, 1983–1987.
8. *Kljamkin I.M.* Politicheskaja sociologija perehodnogo obshhestva // Politicheskie issledovanija. 1993. № 4. S. 41–64.
9. *Kryshchanovskaja O.* Anatomija Rossijskoj jelity. M.: Zaharov, 2005.
10. *LeDonn Dzh.P.* Pravjashhij klass Rossii: harakternaja model'. Per. s angl // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. 1993. № 3. S. 175–194.
11. *Mangejm K.* Problema pokolenij // Mangejm K. Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenij — sostjazatel'nost' — jekonomicheskie am-bicii / Per. s nem. E.Ja. Dodina; Otv. red. L.V. Skvorcov. M.: INION RAN, 2000. S. 8–63.
12. *Ortega-i-Gasset H.* Tema nashego vremeni // Ortega-i-Gasset H. Chto takoe filosofija? / Per. s isp. M.: Nauka, 1991. S. 3–50.
13. *Ortega-i-Gasset H.* Izbrannye trudy / Sost., predisl. i obshh. red. A.M. Rutkevicha. 2-e izd. M.: Izd-vo «Ves' Mir», 2000.
14. Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii / Sost. Ju. Levada, T. Shanin. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
15. *Parsons T.* Ponjatije obshhestva: Per. s angl. N.L. Poljakovoj // THESIS. 1993. T. I. Vyp. 2. S. 94–121.
16. *Pashinskij V.M.* Ciklichnost' v istorii Rossii (vzgljad s pozicij social'noj jekologii) // Politicheskie issledovanija. 1994. № 4. S. 111–124.
17. *Pashinskij V.M.* Model' reguljarnoj pokolencheskoj dinamiki // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2009. № 2. S. 41–47.
18. *Sedov L.* Problema smeny politicheskikh jelit: pokolenie «next» // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye pereme-ny. 2000. № 3. S. 22–25.
19. *Sedov L.* Pokolencheskij prognoz // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 1. S. 78–85.
20. Soobshhenie RIA Novosti 17.10.2011 [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija: 13.01.2014. URL: <<http://ria.ru/politics/20111017/462644720.html>>.
21. *Shlezinger-ml. A.* Cikly amerikanskoj istorii / Per. s angl. P.A. Razvina i E.I. Buharovoj; Zakl. stat'ja V.I. Terehova. M.: Progress, 1992.
22. *Shtompka P.* Sociologija social'nyh izmenenij / Per. s angl. pod red. V.A. Jadova. M.: Aspekt-Press, 1996.
23. *Janov A.L.* «Russkaja ideja» i 2000-j god. New York: Liberty Publishing House, 1988.
24. *Burnett J.* Generations: The time machine in theory and practice. Farnham, Surrey, England; Burlington, VT: Ashgate, 2010.
25. *Maiez J.* Cyclical theories // Sociology and history: Theory and research / Ed. by W.J. Cahnman and A. Boskoff. New York: Free press; London: Collier-Macmillan, 1964. P. 42–61.
26. *Marias J., Rintala M.* Generations // International encyclopedia of the social sciences / Ed. by Sills D.L. Vol. 6. New York: Macmillan: Free press. 1968. P. 88–96.
27. *Nadel G.H.* Periodization // International encyclopedia of the social sciences / Ed. by Sills D.L. Vol. 11. New York: Macmillan: Free press, 1968. P. 581–585.
28. *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's cold war: From Stalin to Khrushchev. Cambridge (MA), London, England: Harvard University press, 1996.